

Архив "РГ"

Людмила Чурсина — легенда экранов. Фильмы с ее участием вошли в золотой фонд нашего кинематографа — «Виринея», «Угрюм-река», «Журавушка», «Гойя»... Призы на кинофестивалях в Сан-Себастьяне, Карловых Варах.

Несколько лет назад актриса сказала в нашей беседе: «Мне кажется, я — пиковая дама из нафалинового века». Время показало, что «пиковая дама» Чурсиной по-прежнему остается в козырях и бьет многих нынешних «кино-королей». Впрочем, на днях в столице был показан спектакль Гильдии актеров и Театральной мастерской «Русская школа» — «Императрица» (по пьесе Е. Греминой, режиссер — О. Глубокова), где она сыграла Екатерину Великую.

— Людмила Алексеевна, вас знают, вы любимы, вас не забыли, как это ни странно для нашей нынешней ситуации в жизни, вы остаетесь в форме. Помните, два-три года назад на одном кинофестивале вы показали девочкам такой книксен, что этот урок дорогого стоил.

— Недавно в Гатчине в школе-интернате, где есть кадетские классы, я прошла в полонезе с одним десятилетним кадетом. Он так элегантно подал мне ручку. От волнения у него все пальцы были холодные.

— Как вам удается так держаться?

— Никогда не задавалась этим вопросом. Я ничего специально не делаю — живу и живу. К тому же сейчас, может быть, именно в Москве могут меня и забыть: я бываю в столице реже, чем где-либо. В основном — с разъездами, ведь сегодня волка ноги кормят. В Доме кино ни разу за последнее время не была, прочие тусовки тоже не посещаю.

— Как вам сегодня живется-дышитесь?

— Все зависит от настроения, погоды, обстоятельств жизни. Есть востребованность, мы ездим по стране со спектаклями. В театре, наконец-то, прошла премьера — сыграла в новом спектакле «Дуэт для солистки». Это история жизни гениальной виолончелистки Жаклин Дюпре, которая в сорок два года заболела и умерла. Пьеса не-

вероятно сложна. Мне показалось, что она дает мне возможность подняться чуть-чуть, еще на одну ступеньку: по пьесе приходится играть шесть сцен у психиатра — сцены очень разные, требуют много сил, определенного состояния, большого напряжения... Спектакль получился не развлекательным. Зритель, способный воспринимать и принимать в себя боль и сопереживать, уходит из театра в добром ощущении. Это одна радость. Еще есть радость встречи с родителями. Они у меня живут в Великих Луках. Папе исполнилось восьмого марта восемьдесят шесть, у мамы на будущий год — восьмидесятилетие. С каждым годом все больше и боль-

ше понимаешь, что это самые дорогие для тебя люди на свете, — как дети!

— У вас в этом году юбилей...

— Я о нем как-то не думала. Свои юбилеи никогда масштабно и всенародно не праздновала. Пятьдесят лет совпали с гастролями в Краснодаре — после спектакля собрались в гостиничном номере: пришел кто хотел — и рано утром я улетала опять к своим, в Ленинград. О нынешнем юбилее пока ничего не знаю, тем более, что он приходится на лето, когда все — в разъездах, на дворе — мертвый сезон...

— Вы ладите с властью? Это к тому, что, может быть, дадут какой-нибудь орден...

— Власть — сама по себе, я — сама по себе. Мне некогда с ней пересекаться. Когда был юбилей нашего театра — Российской армии, мне был дан орден «За заслуги перед Отечеством».

— А какая цифирка стояла, речь — какой степени?

— По-моему, степень была какая-то очень робкая. Это приятно, но не более.

— Советская власть давала вам ордена?

— Орден Дружбы народов — за совокупность каких-то работ.

— Раз мы с вами о власти заговорили, уместно будет спросить: вы интересуетесь политикой?

— Разве что интересно узнать, сменилось правительство или не сменилось... А так — чтобы вникать во все тонкости, — некогда. И потом, чтобы

судить о чем-то, надо знать предмет, анализировать...

— Вы старомодно рассуждаете: у нас сейчас, кажется, о политике судят именно те, кто в ней не разбирается.

— Это касается не только политики, но и искусства.

— В последнее время обозначилась тенденция в мире и частично у нас — в политику и во власть пошли женщины. Как вы смотрите на то, что слабая часть человечества участвует в политике?

— Кажется, кто-то из пророков говорил, что в 2004 или в 2005 году начнется возрождение эпохи Великих женщин и явление их во власть. Может быть, в самом деле мужчинам пора уже дать немножечко отдохнуть. Екатерина Вторая говорила, что женский ум от природы более практичный, нежели у

— Только к искусству она не имела отношения.

— Во мне совершенно отсутствует и политический темперамент, и темперамент власти. Я люблю быть хозяйкой только в доме. Сейчас практикуются антрепризы — спектакли, в которых кто-то один должен немножко руководить, во всяком случае выработать какой-то порядок, следить — что за чем и кто за кем... На таком уровне я еще могу проявить себя. А более — нет!

— Вспомните своих героинь. Ту же Виринею поставить во главе государства — справится?

— Это какие-то досужие фантазии. У нас уже была кампания привлечения кухарок во власть.

— Иногда полезно поговорить в сослагательном наклонении!

— Сейчас женщины тоже, в общем-то, очень меняются и приобретают деловитость и прагматизм. Хотелось бы, чтобы женщина все-таки сохранила в себе качества, которые отличают ее от мужчины, — умение находить компромисс и, так сказать, более созидательно решать проблемы — плюс к этому, конечно, новые, вызванные жизнью и обстоятельст-

вами, качества — деловитость, прагматизм и все прочее...

— Поговорим о житейском: можно ли дружить в искусстве — в театре и кино?

— У меня меньше всего друзей — из кино и из театра. И в кино, и в театре у меня со всеми очень ровные и добрые отношения.

— Вы закрылись от своих коллег на ключик?

— Такова профессия! А потом — о

друзьбе не договариваются: она возникает сама по себе. Либо она может не состояться, и появляются просто человеческие отношения. Дружба — это очень ответственное состояние людей...

— ...И опасное! Может перейти в любовь.

— По-моему, дружба как чувство сложнее. Любовь может компенсироваться какими-то другими вещами, а в дружбе нужна способность и прощать, и понимать... Для меня дружба — сложное понятие. С годами друзей остается все меньше и меньше. Они уходят из жизни, их сложнее обрести, потому что опыт, память о потерях, выдвигает свои требования. И потом — внутри каждого из нас есть внутренний контроль: свой не свой! И он очень помогает мне в общении. Если мне легко с человеком

дружбе не договариваются: она возникает сама по себе. Либо она может не состояться, и появляются просто человеческие отношения. Дружба — это очень ответственное состояние людей...

— ...И опасное! Может перейти в любовь.

— По-моему, дружба как чувство сложнее. Любовь может компенсироваться какими-то другими вещами, а в дружбе нужна способность и прощать, и понимать... Для меня дружба — сложное понятие. С годами друзей остается все меньше и меньше. Они уходят из жизни, их сложнее обрести, потому что опыт, память о потерях, выдвигает свои требования. И потом — внутри каждого из нас есть внутренний контроль: свой не свой! И он очень помогает мне в общении. Если мне легко с человеком

Людмила Чурсина уже императрица

— Сейчас женщины тоже, в общем-то, очень меняются и приобретают деловитость и прагматизм. Хотелось бы, чтобы женщина все-таки сохранила в себе качества, которые отличают ее от мужчины, — умение находить компромисс и, так сказать, более созидательно решать проблемы — плюс к этому, конечно, новые, вызванные жизнью и обстоятельст-

Самая обаятельная актриса советского кино находит общий язык с Екатериной II

говорить, значит я буду с ним долго в добрых и пожизненных отношениях.

— У вас есть дома кошка или собака?

— При моем режиме жизни? Даже когда мне иногда дарят цветы, я раздариваю: ведь иначе приду домой, поставлю и... уеду. А цветы не любят одиночества, они любят общение, чтобы их поливали, чтобы с ними разговаривали... Тем более, если речь идет о животных. У меня в овое время был боксер — замечательная собака. Когда приходилось уезжать с мужем на съемки, отдавали его то в одни руки, то в другие — это же издевательство! Если я и заведу собаку, то очень маленькую, чтобы ее носить в сумке через плечо... Это моя мечта.

— Как же она охранять вас будет?

— Меня не надо охранять.

— Вот мы напечатает, что Людмила Чурсиной нужна собака, глядишь, собаководы и откликнутся — найдут маленькую собачку для сумочки Чурсиной.

— Сумочки у меня большие. Так что очень маленькую не надо. А то я для собачки буду таких размеров, что она испугается.